

УДК 821.111-311.4(Гаскелл Э.)
ББК ШЗЗ(4Вел)5-8,444

В. О. Возмилкина
Екатеринбург, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ГАСКЕЛЛ: «МЭРИ БАРТОН», «СЕВЕР И ЮГ»

Аннотация. Автор статьи ставит целью доказать, что развитие социального романа в английской литературе XIX века многим обязано творчеству Э. Гаскелл. Предполагается, что социальный роман был востребованной жанровой разновидностью в реалистической литературе Великобритании XIX века. В статье социальный роман рассматривается как основа нескольких жанровых модификаций: социально-нравственного, социально-психологического, социально-политического романов. Роман «Мэри Бартон» рассматривается в статье как классический социальный роман эпохи викторианства. «Север и Юг» связан с эволюцией жанровой разновидности к ее социально-психологическому варианту. Оба романа разрабатывают индустриальную тематику, что чрезвычайно характерно для данной жанровой разновидности в литературе XIX века. Промышленный город определяет в романах Э. Гаскелл не только хронотоп и круг проблем произведения, но и систему действующих лиц, разделенных общественными коллизиями. Центральные героини обоих произведений рассматриваются в статье как участницы любовной интриги и как активные представители социального противостояния.

Ключевые слова: социальный роман, Э. Гаскелл, чартизм, викторианская литература, социально-психологический роман, «Мэри Бартон», «Север и Юг».

V. O. Vozmilkina
Yekaterinburg, Russia

THE FORMATION OF SOCIAL NOVEL IN THE WORKS BY ELIZABETH GASKELL: «MARY BARTON» AND «NORTH AND SOUTH»

Abstract. The aim of the article is to prove that social novel was developed due to the works by E. Gaskell in 19th century English literature. It is assumed that social novel was a popular genre of realistic literature in Great Britain of the 19th century. The social novel is considered in the article as a base of several generic modifications: socio-psychological, socio-ethic, socio-political novels. «Mary Barton» is regarded in the article as a classical social novel of the 19th century; «North and South» is connected with the evolution of the genre to a socio-psychological version. Both novels deal with industrial theme, which is quite typical to social novel of the 19th century. An industrial center determines in E. Gaskell's works not only chronotope and the problematics of the novels, but the system of personages, differentiated by the social collisions.

The main heroines of both novels are considered in the article as the participants of a romantic intrigue and as active members of social confrontation.

Keywords: social novel, Elizabeth Gaskell, Chartism, Victorian literature, «Mary Barton»; «North and South», socio-psychological novel.

Социальный роман в XIX веке был востребованной жанровой разновидностью не только в России, но и в Англии. Разрабатываемой многими писателями-викторианцами — Ч. Диккенсом, Б. Дизраэли, Ш. Бронте, — социальный роман в его поэтапном развитии может быть рассмотрен на примере творчества Э. Гаскелл (1810—1865), которое на протяжении двадцати лет ее литературной деятельности практически полностью связано с «социальными жанрами». Романное творчество Гаскелл обеспечивает изменения в поэтике социального романа за счет углубления психологизма, а также закрепляет тенденцию к образованию различных модификаций — «социально-психологического», «социально-политического» и «социально-нравственного» романов.

В российском и зарубежном литературоведении используются термины: «социальный роман», «социологический роман», «индустриальный роман», «роман положения Англии» и т. п. При таком разнообразии понятий было не вполне ясно, насколько термин «социальный роман» является самостоятельным и применим ли он к большинству произведений крупной формы, созданных писательницами. В своих представлениях о социальном романе мы опирались на теорию жанра

Н. Л. Лейдермана; о модификациях исследуемой жанровой разновидности — на вышеизложенную концепцию Ю. М. Проскуриной. Под социальным романом мы понимаем жанровую разновидность романа нового времени, для которой характерно эксплицитное присутствие социальных противоречий и проблем, определяющих особенности романного образа мира. При этом проблематика самого социального романа не сводится исключительно к «социальности», но отражает специфику взаимодействия социального и нравственного как на уровне конфликта произведения, так и на уровне системы образов.

Для нас важно, что Ю. М. Проскурина, говоря о возможностях развития социального романа, разграничивает его социально-нравственную и социально-психологическую модификации. В свою очередь, мы полагаем, что социально-психологическая разновидность романа может не сразу обрести свое особое содержание и значение, и в творчестве Э. Гаскелл существует изначально как вариант романа социального («Север и Юг»), а уже затем предстает как самостоятельный феномен («Жены и дочери»). Обращение к наиболее значимым романам автора дает возможность проследить формирование, эволюцию и особенности данного литературного феномена.

мена. Однако динамика жанровой разновидности «социальный роман» очевидна даже при сопоставлении двух произведений, объединённых «индустриальным» хронотопом, классически обрамляющим рассмотрение самых злободневных для Англии середины XIX века проблем, — «Мэри Бартон» (1848) и «Север и Юг» (1855).

Пространственная специфика в обоих произведениях задана уже заголовочным комплексом произведений: роман «Мэри Бартон» обозначен в подзаголовке как «манчестерская повесть»; название «Север и Юг» говорит само за себя, хотя индустриальный центр в этом произведении получит вымышленное имя Милтон. Э. Гаскелл провела в Манчестере большую часть своей жизни, была замужем за манчестерским священником (представителем унитарийской церкви), досконально изучила жизнь рабочих и проблемы промышленного города, чрезвычайно обострившиеся в 40-х гг. XIX вв. «О романах “Мэри Бартон” и “Север и Юг” часто говорят в контексте социального романа (материал, импульс и силу им задает Манчестер, который так хорошо знала Э. Гаскелл) — как о серии романов об условиях хлопчатобумажного производства; они создают ощущение непрерывности» [Easson 1979: 61—62].

В романе «Мэри Бартон» каждая деталь воспроизводится с фотографической точностью. Писательница целенаправленно знакомит читателя не со столичными лондонскими рабочими, а с провинциальными манчестерскими, положение которых было более удручающим. И тем не менее Манчестер как город контрастов, разумеется, становится в романе частью художественного космоса романистки: «Драма Мэри Бартон разыгрывалась в вымышленном Манчестере, внедренном в определенное время и место» [Morey 2014: 56]. Ф. Мори, автор цитируемой статьи, ссылается на французского современника писательницы Леонара Фоше, который в 1845 году отправился в Англию, чтобы изучить английскую социальную систему. В его статье о Манчестере описаны реалии того времени: безграмотность, необразованность и пьянство: «В 1840 году в Манчестере было 1314 кабака, в том числе 502 винных лавки (пабы) и 812 пивных. Сюда не входили киоски и небольшие рестораны» [Morey 2014: 58]. Ф. Мори резюмирует, что Э. Гаскелл не только не преувеличила в романе, но даже приуменьшила реальные проблемы манчестерских будней. Если учесть, какой резонанс в обществе вызвало появление романа, то дальновидность писательницы кажется вполне оправданной.

Пейзаж в романе подчеркнута индустриальный. Фабрика является стержнем произведения, вокруг нее развиваются судьбы героев: «Фабрика Карсона выходила окнами на север и юг. Вдоль нее тянулась одна из самых старых улиц Манчестера. Вообще вся эта часть города была сравнительно старая — здесь в свое время строились первые прядильные фабрики, и вокруг них вилось такое множество густо заселенных тупичков и переулков, что пожар мог превратиться в настоящее бедствие» [Гаскелл 2013: 68]. Э. Гаскелл подробно описывает жизнедеятельность фабрики, так как она являлась

опознавательным знаком современной писательнице эпохи: она обнажает губительное влияние технического прогресса на человеческую душу, «звуки которого несовместимы с человеческой жизнью» [Linder 1988: 26]. Фабрика в романе настолько же точно олицетворяет Манчестер, насколько парламент ассоциируется с Англией. Эти пространственные образы не раз перекликаются в романе и непосредственно взаимодействуют в сцене рассмотрения парламентариями рабочей петиции.

Фабрика живет по своим законам. Если жизнедеятельность парламента обеспечивают партии, то судьбу фабрики в период кризиса решают «группки» фабрикантов, «которые, впрочем, далеко не во всем были между собой согласны» [Гаскелл 2013: 249]. В свою очередь фабрика решает судьбы людей: «Это все работа на фабрике виновата. Когда дела много, девушки прилично зарабатывают и вполне могут на эти деньги жить. Моя Мэри никогда не будет работать на фабрике — это я твердо решил» [Гаскелл 2013: 12]. Технологии борьбы фабрикантов с рабочими идентичны политическим технологиям воздействия на народные массы. Разница заключается в масштабах борьбы: фабрика — рабочие, Англия — жители страны. Фабриканты («парламентареры») имеют определенную идеологию: «Одни стояли за совсем незначительные уступки — нечто вроде леденца, который дают капризному ребенку ради покоя и мира. Другие решительно и упорно возражали против того, чтобы уступить даже самую малость, ибо это создаст опасный прецедент. Это все равно что научить рабочих, как они могут стать хозяевами» [Гаскелл 2013: 249]. Кардинальные позиции этих «группшк» делались невозможным какой-либо компромисс с рабочими, требования которых одним казались слишком смелыми, а другим — совсем ничтожными, не стоящими внимания, как и те, кто эти требования выдвигал: «Кое-кто из хозяев счел себя оскорбленным тем, что перед их благородным взором предстали такие оборванцы» [Гаскелл 2013: 251]. Хотя жалкая внешность рабочих скрывала живой ум и тягу к знаниям, ведь «многие простые рабочие, ничем не примечательные с виду и не умеющие даже правильно говорить, интересуются математическими проблемами и с головой погружаются в их изучение» [Гаскелл 2013: 52].

Э. Гаскелл создает в «Мэри Бартон» целую галерею персонажей, расположенных на различных ступенях общественной лестницы. Сюжетная линия представлена взаимоотношениями рабочих и представителей среднего и высшего (для Манчестера) слоев общества, хотя, безусловно, ими не ограничивается, если иметь в виду нравственный конфликт. Э. Гаскелл была убеждена, что великодушные не зависят от толщины кошелька и статуса человека. Верная своим религиозным взглядам, писательница верила в духовную силу бедняков и открыто им симпатизировала. К примеру, в сценах траура по погибшим фабриканту и бедняку. В доме богатых промышленников «... так плакали — в самом деле, горевали, конечно, а в зеркало поглядывали: тут не так да здесь не то. Горе горем, а платье должно си-

деть хорошо» [Гаскелл 2013: 61]. Ирония Э. Гаскелл вовлекает читателя в предмет разговора, который носит остро социальный характер, и создает особое интонационное поле уже в первом ее романе. В «Мэри Бартон» авторская позиция является сложившейся и не допускает полутонов ни в освещении, ни в оценке происходящего. Но, тем не менее, в романе начинается зарождаться потребность писательницы в открытом диалоге с читателем, которая разовьется в следующих романах.

После публикации романа Э. Гаскелл писала, что «истинной ее целью было показать внутренние и внешние причины горькой судьбы манчестерского ткача»: «его родители были бедны, сын умер, жена умерла, торговля упала, соседи страдают, его путешествие в Лондон, его голод и опиумная зависимость» [Gallagher 1988: 72, 73]. Но главное — трагический распад взаимопонимания между людьми из-за социальной дестабилизации: «Темой “Мэри Бартон” является пробоина в человеческом общении, всеобщее непонимание с точки зрения трудовых отношений, существующих между хозяевами и рабочими» [Gerin 1976: 85], «подойдя к “Мэри Бартон” с, по существу, социально-экономической точки зрения, М. Мейню подчеркивает универсальность дилеммы романного ядра, а именно: как примирить различные интересы капитала и труда в системе, которая неизбежно порождает огромные различия в самочувствии, богатстве и жизненном опыте, и как обеспечить минимальный уровень жизни для всех, не нарушая прав имущих классов» [Meunier's 2013: 129].

Элизабет Гаскелл мастерски описывает портрет чартистского лидера. Ее интересуют общечеловеческие цели чартизма, то, как реализация этих целей может облегчить жизнь таким людям, как Джон Бартон, простой рабочий. Его образ трагичен с первых страниц романа. Герой тяжело переживает смерть жены, затем его настигает новое испытание: фабрика мистера Хантера закрывается, и он остается без работы. Единственный кормилец в семье, Джон Бартон, без шиллинга в кармане, с ненавистью смотрит на нарядные витрины, не в силах купить что-нибудь для своего больного сына.

Неудавшаяся поездка Джона Бартона в Лондон в качестве представителя союза рабочих Манчестера становится судьбоносной для героя. От природы обладающий нравственным чувством, Джон Бартон не выдерживает борьбы с обстоятельствами и преступает христианские и государственные законы, становясь убийцей. Нравственность в романе на примере образа Джона Бартона тесно переплетается с «социальностью», сначала вступает с ней в борьбу, но затем проигрывает. В результате героя ожидает тяжелый моральный кризис.

В своем первом романе «Мэри Бартон» Э. Гаскелл уделяет большое внимание разработке системы образов. В романе 38 глав. Каждая из них рассказывает о жизни героев, развертывает повествование в линейной плоскости, события развиваются последовательно. Относительная самостоятельность глав подчеркивается их информативными названиями: «Фабрика в огне. Джем Уилсон прихо-

дит на помощь», «Первое публичное выступление Маргарет в качестве певицы», «Встреча фабрикантов с рабочими», «Зачем Эстер понадобилось разыскивать Мэри» и др. На формальном уровне единство глав постоянно подчеркивается эпиграфами из произведений английских поэтов:

To envy nought beneath the ample sky;
To mourn no evil deed, no hour misspent;
And, like a living violet, silently
Return in sweets to Heaven what goodness lent,
Then bend beneath the chastening shower content.
Elliott [Gaskell 1956: 63].

(Из поэмы «Засохшие цветы» Э. Эллиота, глава IV романа.).

Или:
But when the morn came dim and sad,
And chill with early showers,
Her quiet eyelids closed — she had
Another morn than ours.
Hood [Gaskell 1956: 34].

(Из стихотворения «Смертное ложе» Т. Гуда, глава III романа.).

Э. Гаскелл уделяет особое внимание произведениям народных поэтов. Например, Э. Эллиот (1781—1849), к произведениям которого писательница часто обращается в «Мэри Бартон», был сыном рабочего, принимал участие в движении чартистов.

Не только за счет сюжета, таким образом, но и на уровне ассоциативном, писательница акцентирует социальные проблемы и социальный конфликт в своем произведении. Поэтому изменение названия с первоначального «Джон Бартон» на «Мэри Бартон» несколько ослабило, может быть, «чартистскую», но не социальную специфику произведения. Другое дело, что рассмотрение центрального, заглавного образа произведения в контексте общественных связей требует особого внимания.

Мэри Бартон в полной мере заслуживает определения героини социального романа. Она с ранних лет узнает, что жизнь — это не только борьба с обстоятельствами (социальное), но и со своими желаниями (нравственное). Мэри, в отличие от своего отца, не испытывает угрызений совести, выстраивая смелые планы на жизнь. Она с первых страниц романа хочет повысить свой статус за счет удачного замужества. Возникший между героями романа любовный треугольник (Мэри — Джем — Гарри Карсон) не является «любовным» в привычном понимании. Это, скорее, «социальный» треугольник: Мэри выбирает не между ошибочно или действительно любимыми мужчинами, а между деньгами и положением, с одной стороны, и детской привязанностью, с другой. В результате сначала она делает сознательный выбор в пользу союза с сыном фабриканта Карсоном, хотя для него отношения с Мэри — всего лишь заурядная интрижка. В этом треугольнике Гарри Карсон выступает в качестве социального типажа героя-соблазнителя с соответствующим арсеналом средств обольщения.

Кроме того, Мэри выступает не только в социально знаковом мужском окружении: ее отец и оба поклонника резко разделены манчестерской соци-

альной лестницей, а неудача чартистской петиции и преступление, совершенное Джоном Бартоном, окончательно ставит мужчин по разные стороны баррикад, и лишь один из троих персонажей останется в живых к концу романа. В системе образов произведения важное место занимают и женские персонажи: Эстер, Элис, Маргарет — судьба каждой из них по-своему трагична. Несмотря на противоположность их историй и нравственных установок, все они играют существенную роль в истории Мэри Бартон. Они являются ее ангелами-хранителями: оберегают от «падения» (Эстер), наставляют на верный путь (Маргарет) и показывают истинно добродетельную жизнь (Элис). При этом все героини, на которых распространяется в романе авторская симпатия, принадлежат исключительно к рабочей среде, тогда как представительницы более обеспеченных сословий изображаются резко сатирически. Более дифференцированное отношение к героиням уже в зависимости от их характеров, а не только от среды, станет одним из показателей эволюции социального романа под пером Э. Гаскелл.

Главной героиней романа Э. Гаскелл «Север и Юг» вновь, как в «Мэри Бартон» и написанном в 1853 г. романе «Руфь», становится женщина, Маргарет Хейл. Один из первых вариантов названия романа — «Маргарет Хейл». «Подобное название отражает драму интеллектуального и эмоционального конфликта одинокого человека» [Easson 1979: 90]. Маргарет — сильная, страстная натура, которая преображает все одним своим присутствием. История отношений героини с мистером Торнтоном, которые приведут в конце концов к взаимной любви, развивается на протяжении всего романа. Однако структурирующая роль в романе принадлежит не любовной линии, а индустриальной, правда, в данном случае эти две сюжетные линии — и в этом уже отличие от «Мэри Бартон», практически невозможно разделить.

Маргарет в «Севере и Юге», в отличие от Мэри, не стоит перед дилеммой выбора жениха с целью повышения собственного социального статуса и дважды отклоняет предложение перспективных, но нелюбимых мужчин. Она изначально является обеспеченной девушкой, воспитывается как леди, имеет возможность возвращаться в аристократических кругах Лондона. Главное, как показывает Гаскелл, не отсутствие или появление (после решения ее отца оставить службу) материальных проблем в жизни Маргарет, но ее гораздо более сформированный по сравнению с Мэри и Руфь нравственный уровень. Развитый душевный мир героини, ее умение анализировать свои чувства и аргументировать идеи продвигает произведение к новому уровню развития социального романа как жанровой разновидности: формируется социально-психологический вариант. При этом в романе много внимания уделяется любовным переживаниям персонажей — и женских, и мужских (силой и постоянством своих чувств Торнтон не только не уступает, но и превосходит Маргарет). «Север и Юг» остается социальным романом, но вместе с тем приобретает иное звучание за счет психологических акцентов.

О значимости хронотопа романа можно судить уже исходя из названия — «Север и Юг». Решение главы семейства Хейлов, бывшего священника англиканской церкви, уехать на Север, в Милтон, фабричный город в Даркшире, стало неприятной новостью для его семьи, прожившей большую часть жизни в богатом сельскохозяйственном районе Англии. Север производит безрадостное впечатление на героев с Юга. Законы промышленного центра стали неписанным правилом, определяющим круг интересов и порядок жизни для его обитателей. «Индустриальный роман Гаскелл “Север и Юг” показывает вариант развития общества от А. Смита до К. Маркса. Проходит время между смитовским сельским пейзажем, населенным работниками индивидуальных хозяйств, и марксистским городским пейзажем с недовольными и не получающими должного вознаграждения рабочими фабрику» [Linder 1988: 8]. Название романа обыгрывается в тексте не раз, и становится понятно, что противопоставление не исчерпывается несколькими «чернобелыми оппозициями заголовка» [Hunt 2012: 4]: «Это ведь за Лондоном, так вроде? А я из Бернли-Вэйз — это сорок миль на север. Ишь как получается, Север и Юг встретились и вроде бы даже стали добрыми друзьями в этом большом и дымном городе» [Гаскелл 2011: 90]. Э. Гаскелл ставит актуальную социальную проблему своего времени — противостояние Севера и Юга в рамках одной страны и одной нации. Однако это лишь часть социального пласта произведения. Спустя 7 лет после публикации «Мэри Бартон» автор снова погружает нас в атмосферу «смутного» времени экономических конфликтов: «Сегодня этот роман сохранил актуальность, как и “Мэри Бартон”, благодаря тому, что он служит историческим документом, рассказывающим об озабоченности викторианцев социальными проблемами и начале викторианского страха перед бедностью, дожившего до истерии» [Allen 1954: 211].

Контрасты «Севера» и «Юга», разъединяющие героев, носят социальный характер: образование, традиции, разделение труда. И преодолеваются эти проблемы тоже на социальном уровне: индустриальное общество развивается, промышленники перестают казаться «странными» людьми, «Юг» утрачивает свои позиции оплота патриархальности, финал романа демонстрирует традиционным викторианским хэппи-эндом счастливый союз «Севера» и «Юга».

Если в «Мэри Бартон» показан масштаб неразрешимых противоречий между рабочими и хозяевами (поездка с петицией в Лондон представителей нескольких городов), то в «Севере и Юге» Э. Гаскелл ограничивается изображением проблемы на «местном» уровне. Она вкладывает в уста фабриканта Торнтон «идеологию торговли», то, по каким законам живет промышленность в Милтоне. В романе и хозяева, и рабочие имеют право голоса, хотя и не всегда слышат друг друга.

Прагматичный фабрикант Торнтон, с появлением которого городская тема в романе приобретает «деловой» ракурс, является воплощением Севера и промышленного города Милтон. Это «наиболее удачный мужской образ у Э. Гаскелл» [Allen 1954:

212]. О деятельности парламента в отношении фабрикантов он судит жестко и смело: «И нам не нужны третейские судьи, а еще меньше нам нужны советы невежд, даже если эти невежды заседают в парламенте» [Гаскелл 2011: 104]. Его успешность как фабриканта и особенно забота об условиях труда рабочих на фабрике отчасти оправдывают такой вызов: «Я переделал трубы по собственному почину еще до того, как парламент вмешался в это дело. Это потребовало определенных затрат, но я возместил их экономией угля. Будьте уверены, парламентский акт тут ни при чем. Конечно, если бы я не поменял трубы и на меня бы донесли, я был бы оштрафован, понес бы финансовые убытки и так далее. Но все законы, эффективность которых зависит от доносов и штрафов, на деле не работают из-за несовершенства технологий. Я сомневаюсь, был ли в Милтоне дымоход, о котором доносили правительству последние пять лет, хотя некоторые постоянно пускают треть своего угля на так называемый “непарламентский дым”» [Гаскелл 2011: 102].

В образе Торнтонна «Э. Гаскелл “отдала дань уважения” фабрикантам Манчестера, чей неприглядный портрет был представлен в “Мэри Бартон”. Она показала в романе и точку зрения фабриканта, и точку зрения рабочих. К тому же Джон Торнтон не так далек от рабочей жизни, как мистер Карсон в “Мэри Бартон”» [Gerin 1976: 152—153]. Мы оказываемся на противоположной стороне баррикад и начинаем попадать под обаяние промышленника Торнтонна, чего нельзя было сказать о Карсоне из «Мэри Бартон». Карсоны тоже происходили из рабочей среды, как и Торнтонны, однако их интересы сводились исключительно к увеличению собственного капитала. Торнтон — творческая личность: ему интересен сам процесс производства. Свой капитал он тратит не на покупку земель, как другие промышленники, а на современное оборудование для фабрики. Его продуманные суждения относительно производства и отношений с рабочими производят сильное впечатление на мистера мистера Хейла.

Если мистер Хейл сразу испытывает симпатию к Торнтону, то Маргарет не сразу понимает его натуру. Ей он казался человеком, «которому нравится бороться со всеми трудностями, что встречаются у него на пути, — ветрами, врагами или обстоятельствами. Чем сильнее будут дождь и ветер, тем вероятнее, что он придет к нам» [Гаскелл 2011: 93]. Психологизм в изображении героини проявляется благодаря анализу любовного чувства, которое незаметно для нее самой созревает в сердце Маргарет. Чувства Маргарет и Торнтонна поверяются временной разлукой, из-за которой страдают оба героя. За любовной историей, которая разворачивается на фоне экономических и производственных противоречий, но в полной мере конкурирует с социальной линией, в романе закрепляется право на полноценное существование.

Однако психологизм связан не только с любовной интригой в произведении. Для данного романа, как и для «Мэри Бартон» и «Руфи», характерно присутствие дилемм нравственного характера. Автор уделяет большое внимание изменениям, которые происходят в оценке героями своих и чужих этических принципов. В романе множество диалогов, где проявляется равнодушие героев к проблемам морального характера. Этот синтез социального, нравственного и психологического начал модифицирует социальный роман Э. Гаскелл и, как уже было сказано выше, рождает новую его версию — социально-психологический роман.

Таким образом, роман Э. Гаскелл «Мэри Бартон» является примером классического социального романа, потому что все основные жанровые параметры — субъектная организация, хронотоп (включая систему образов, сюжет, внесюжетные элементы), ассоциативный фон, интонационно-речевая организация — направлены на создание образа мира, организованного социальными отношениями: промышленное производство, политика, экономический кризис, семейные связи. Два следующих по времени создания романа Гаскелл — «Руфь» и «Север и Юг» — развивают модель социального романа, сохраняя социальную обусловленность каждого характера, но перенося акцент на проблемы религиозного самоопределения, этического выбора, сословной и классовой толерантности — в соответствии с нравственной установкой, всегда значимой для социального романа.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаскелл Э. Мэри Бартон: роман / пер.с англ. Т. Кудрявцевой. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — 540 с.
- Гаскелл Э. Север и Юг : роман / пер.с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — 544 с.
- Allen W. The English novel. A short critical history. — New York: E. P. Dutton and Co., INC, 1954. — 456 p.
- Easson A. Elisabeth Gaskell. — London etc: Routledge&Kegan Paul, 1979. — 278 p.
- Gallagher C. The Industrial Reformation of English Fiction. Social Discourse and Narrative Form 1832—1867. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1988. — 320 p.
- Gaskell E. Mary Barton. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1956. — 478 p.
- Gerin W. Elizabeth Gaskell. A biography. — London: Oxford University Press, 1976. — 318 p.
- Hunt K. E. «Nouns that were signs of things»: Object Lessons in Elizabeth Gaskell's North and South // The Gaskell Journal. — 2012. — Vol. 26. — pp. 3—17.
- Linder C. Fictions of Commodity Culture: From the Victorian to the Postmodern / C. Linder. Vermont: Ashgate, 1988. — 190 p.
- M. Meynieu's Review of Mary Barton, Paris 1849. Introduced and translated by Philip Morey // The Gaskell Journal. — 2013. — Vol. 27. — pp. 126—139.
- Morey P. Fiction Illuminated by Reportage: Mary Barton and Leon Faucher's Etudes sur l'Angleterre // The Gaskell Journal. — 2014. — Vol. 28. — pp. 53—73.

Данные об авторе

Возмилкина Валерия Олеговна — учитель русского языка и литературы МАОУ «Школа-интернат № 53», г. Новоуральск; соискатель кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26

E-mail: vozmilkina@mail.ru.

About the author

Vozmilkina Valeriya Olegovna is a Teacher of Russian Language and Literature, school № 53, Novouralsk; post-graduate of the Department of Literature and Methods of its Teaching, Ural State Pedagogical University.